

УДК 81-13

ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН: О «МАГНЕТИЗМЕ» ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ¹

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. n.bogdanova@spbu.ru

В статье на корпусном материале рассматривается одна из особенностей прагматических маркеров русской устной речи. Эти единицы отличаются высокой частотой встречаемости в речи всех говорящих, ослаблением (вплоть до утраты) лексико-грамматического значения тех форм, от которых они образовались в процессе прагматикализации, и усилением в связи с этим их прагматического значения – функции в устном дискурсе. Прагматические маркерам свойственны любой устной речи, они поддаются типологизации, но выявляют свою новую сущность только в контексте, что почти исключает возможность автоматической разметки материала. Корпусный подход к анализу русской повседневной (в первую очередь разговорной) речи выявил необыкновенную синтагматическую активность, «магнетизм», таких маркеров, их способность притягиваться друг к другу, что дополнительно осложняет процедуру их выделения в тексте и ставит задачу разработки принципов их идентификации. Анализ корпусного материала показал, что чаще «притягиваются» друг к другу «синонимичные» (однофункциональные) прагматические маркеры, что позволяет говорить о наличии системных отношений в классе подобных единиц. Если добавить к этому еще и полифункциональность русских прагматических маркеров, то вопрос об уточнении их типологии, масштабном лингвистическом описании и разработке достаточно надежной методики их выявления в тексте становится особенно актуальным.

Ключевые слова: устный дискурс; прагматический маркер; синтагматическая активность; речевой корпус.

О синтагматической активности, своеобразном «магнетизме», стремлении к «композиционности», функциональных речевых единиц говорят обычно применительно к частицам (см., например: [Шведова 1960: 115; Лан Шо 2018]). Синтагматическая активность русских частиц – давно установленный факт: в словарных статьях практически на любую из них можно видеть множество различных сочетаний с другими, столь же «мелкими», словечками (частицами, местоимениями, наречиями) – сочетаний, достаточно устойчивых, чтобы отнести их к разряду коллокаций²: *вот и, ну вот, как раз* и мн. др. Все они характеризуются словарями как разговорные и отличаются высокой употребительностью.

Такой же способностью притягивать «себе подобное» обладает и еще один класс функциональных единиц, столь же разговорных, также очень частотных в речи всех говорящих, но выявляемых исключительно в устном дискурсе: это прагматемы, или прагматические маркеры (ПМ). Они практически лишены как лексического, так

и грамматического значений, контекстуально обусловлены, а по основной (структурирующей, организующей) функции в дискурсе близки к дискурсивным словам/маркерам (ДМ), что и обусловило тот факт, что описываются эти два типа единиц (и для русского, и для других языков) обычно в одном ряду, без серьезной дифференциации³. Ср., однако, элементы, относящиеся к этим разным классам, и их характеристики.

– **ДМ** (*с трудом, в самом деле, прямо, почти, кстати* и под.) порождаются говорящим обдуманно и сознательно, являются полноценными единицами дискурса и принимают участие в формировании его не только структурной, но и содержательной стороны; лексическое значение присутствует в полной мере (это прежде всего вводные слова, наречия или служебные части речи); грамматическое значение ослаблено, но есть: ДМ рождаются, как правило, в результате процесса **грамматикализации**, когда одно грамматическое превращается в другое грамматиче-

ское: *сказать* (глагол) – *скажем* (глагольная форма 1 л., мн. ч.) → *скажем* (вводное слово). ДМ имеют устойчивую лексикографическую фиксацию и входят в лексический минимум русского языка для иностранцев.

- ПМ (*это самое, как его/её/их, короче, ну это, как это, скажем так, типа / типа того / типа того что* и под.) порождаются неосознанно, на уровне речевых автоматизмов, практически не контролируются говорящим; лексико-грамматическое значение ослаблено или отсутствует (семантика и грамматика исходных форм, от которых и происходят ПМ в результате процесса **прагматикализации**, заменяются функцией в тексте); вербализуют отношение говорящего лишь к процессу речепорождения, а не к содержанию речи. ПМ пока находятся полностью вне лексикографической фиксации и за рамками лингводидактики.

Прагматические маркеры отличаются рядом особенностей, которые затрудняют их вычленение в устном тексте и более или менее строгую систематизацию. Так, они, как уже отмечалось, очень зависимы от контекста⁴, ср. употребления слова *такой* в разных значениях/функциях:

- (1) *и отчим был такой зараза* (ОРД⁵; указательное местоимение в усилительной функции);
- (2) *и я это я ходил (э-э) с этой () такой *Н / # ма... ну(:) я понимаю да / хреновиной / # кал... калосборником* (ОРД; ПМ – хезитатив);
- (3) *мы посидели с ним в «Фартуке»\$ / он такой ты голодная *В / я говорю слушай ну вообще нет / да не может быть типа ты с работы давай там это самое* (ОРД; ПМ – ксенопоказатель⁶).

Кроме того, ПМ выражено полифункциональны: часто выполняют в тексте сразу несколько функций. Приведем примеры:

- (4) *а что ты делала ? # ну вот понимаешь то есть мне там ни шаг вправо ни шаг влево / это вообще жесть просто* (ОРД);
- (5) *ну вот (э-э) ... *П *С # блин такие мужики тупые всё равно все они просто* (ОРД);
- (6) *а / здесь то есть / то есть когда я пишу Skype\$ / так она будет / она будет прям уже здесь / это самое* (ОРД);
- (7) *в Евросети\$ мы могли там [1] (...) (э) не знаю / спорить / о(:) чём угодно / мы могли там [2] на рабочие темы там [3] (...) (а-а) сплетничать / что кто кому там [4] чего не позвонил / кто кому не так что-то написал / кто там [5] не делает* (ОРД).

В примерах (4) и (5) *ну вот* – пограничный стартовый маркер (начало реплики) и хезитатив. В примере (6) *это самое* – хезитатив и погра-

ничный финальный маркер (конец реплики). В примере (7) *там* [1–3] – хезитатив и ритмообразующий маркер; *там* [4–5] – ксенопоказатель и ритмообразующий маркер; *не знаю* – хезитатив и метакоммуникатив.

Уже этих особенностей достаточно, чтобы существенно затруднить аннотирование ПМ в материале речевого корпуса и вообще инвентаризацию/систематизацию ПМ в русской речи.

Дополнительные сложности связаны и с той особенностью ПМ, которой посвящена настоящая статья: их повышенной синтагматической активностью в устном дискурсе, что также рождает много вопросов. Рассмотрим это на ряде примеров.

- (8) *снимочки мы делали / там вроде косточки нормальные / да ? у вас ? // *П да / там(:) они это / как его ? ближе(:) к спрессованы / или как-то там (э) было ... # угу / угу / в компрессии* (ОРД).

Комбинацию *это / как его?* в контексте (8) можно рассматривать либо как два отдельных хезитативных ПМ, либо как структурный вариант маркера *как его*. В пользу последнего решения свидетельствуют и некоторые количественные данные, полученные на материале ОРД и САТ: «Изолированно (без других маркеров хезитации) рассматриваемая конструкция была употреблена в материале исследования всего 8 раз – исключительно в варианте *как его* (29,6% от общего количества) <...>. Существенно чаще (70,4%) рассматриваемый вербальный хезитатив (во всех своих вариантах) употребляется в спонтанной речи в составе более крупных хезитационных конструкций, включающих еще элементы *вот, ну, там, это* и *это самое* в разных формах, а также различные неречевые заполнители пауз хезитации и собственно физические паузы: *это как его; этот самый / как его; на этом / как его; вот этот / как его; вот эти / как их; эта как её; про этого самого (...)* (э-э) *как его* и под.» [Звуковой корпус... 2015: 294]. Наличие зафиксированной расшифровкой паузы между *это* и *как его?* фактически ни о чем не говорит, так как в спонтанной речи синтаксическое и интонационное членение текста соответствуют друг другу не более чем на 54% [Степихов 2005].

- (9) *Вальтюкова% ноет // # нет я хочу // *С а я хочу // ну вот такая вот прямо // *В нет / ну что дома делать ? нет / я хочу работать / вот типа / это интересно* (ОРД).

Комбинация *вот типа* в примере (9) представляет собой, по-видимому, два самостоятельных ПМ-ксенопоказателя. Каждый из них может выполнять эту функцию (введение в повествование чужого слова, своеобразное косвенное цити-

рование или даже интерпретация молчания или поведения) и в изолированном употреблении, ср.:

(10) *пришёл домой мама мне сказала господи чё ты такой пьяный иди спи вот // поэтому мы решили что-о / надо повторить* (САТ);

(11) *и спросил / ну типа умеешь вообще кататься или нет? сидела за рулём?* (ОРД)⁷.

В данных случаях говорящему явно не хватило одного маркера «чужого голоса» (*один в поле не воин!*), что, впрочем, вполне типично для класса ксенопоказателей, в том числе кодифицированных, ср.:

(12) *Это Лусио / центральный защитник / и показывает [нрзб] / что / мол / дескать / давай выбивай туда в поле подальше* (НКРЯ);

(13) *да / пришёл он к ней и говорит / так / мол / и так / я запутался / помогите* (ОРД);

(14) *Вот / пишет мне типа ну вот так и так / типа перевод / я говорю / «Ну деньги сначала / да / там все дела»* (НКРЯ).

Во всех этих случаях можно говорить о явлении контаминации ксенопоказателей⁸, объединяющей порой более двух единиц. При этом, по наблюдениям А.П. Суриной, «сколько бы ксенопоказателей ни было употреблено подряд, фраза не воспринимается слушателем как перегруженная» и, к сожалению, «никакой определенной системы ни в употреблении, ни в порядке контаминируемых единиц обнаружено не было» [Сурина 2017: 61].

(15) *у меня просто ... (э-э) я всегда очень ин... ин... м... интересно / я вот п... по лицам определяю / @ а-а // @ потому что понимаете / в принципе значит как? вот / скажем вот / п... что касается азиатов например / @ ага // @ вот я имею в виду азиатов конкретных именно вот / к... корейцев / китайцев японцев // *П @ а // @ я их отличаю* (ОРД).

Протяженную комбинацию элементов в примере (15) – *понимаете / в принципе значит как? вот / скажем вот* – можно интерпретировать как целый ряд ПМ: метакоммуникатив *понимаете* + хезитатив *в принципе*⁹ + цепочка маркеров *значит как? вот*, в которых можно усмотреть хезитацию, навигацию и метакоммуникацию, + «упреждающий» маркер-рефлексив¹⁰ *скажем вот*. В том, что *скажем* здесь выступает не как вводное слово (словари приписывают ему значение ‘например, к примеру’ [МАС 1988: 101]), убеждает наличие реального вводного слова *например* в том же контексте. Впрочем, часть данной комбинации – *вот / скажем вот* – по структуре и функции сближается с дейктическим ПМ *вот (...)* *вот (вот так вот, вот тогда вот, вот здесь вот* и под.). Возможность различной трактовки, как видим, снова сохраняется.

(16) *так / ну как я понимаю / значит / где-то / существует шалаш / какой-то в лесу* (САТ).

В контексте (16) перед нами также длинная цепочка ПМ, маркирующих начало монолога и имеющих одновременно хезитационный (*так / ну <...> / значит*) и метакоммуникативный (*как я понимаю*) характер. Налицо снова «магнетизм» и полифункциональность русских прагматических маркеров.

При всем разнообразии тех комбинаций ПМ, которые образует говорящий, пытаясь реализовать свой коммуникативный замысел, видно, что притягиваются друг к другу прежде всего однофункциональные ПМ, что дает основания говорить о наличии в данном классе функциональных единиц устной речи своеобразных системных отношений: прагматической синонимии и прагматической же многозначности (полифункциональности). Анализ материала позволяет говорить также о том, что случаи «магнетизма» ПМ можно условно разделить на два типа: цепочки разных маркеров (хезитативов и пограничных ПМ разного типа; хезитативов и метакоммуникативов; и т. п.) и комбинации «синонимичных» ПМ (прежде всего хезитативов). Так или иначе, но в «мире прагматических маркеров» русской устной речи *один явно в поле не воин*, о чем достаточно убедительно свидетельствует контекстный анализ корпусного материала.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи»).

² Термин «коллокация» используется в лингвистике для определения неоднословной, устойчивой и регулярно встречающейся языковой единицы [Firth 1957]. В отечественной лексикографии этот термин впервые был представлен в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, где под коллокацией понимается «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии» [Ахманова 1969: 193]. Существуют разные определения коллокации, но в основе большинства лежит явление семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания (см., например: [Иорданская, Мельчук 2007; Захаров, Хохлова 2010: 137]). На современном этапе термин «коллокация» нашел широкое применение в корпусной лингвистике – как «статистически устойчивое словосочетание» [Захаров, Хохлова 2010: 138], «комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совмест-

ной встречаемости» [там же: 136] или «неслучайная комбинация двух или более лексических элементов, которые характеризуют язык в целом (тексты любого рода) или определенный тип текста (или даже (под)образец текстов)» [Yagunova, Savina 2011: 40].

³ См. обзор литературы на эту тему: [Bogdanova-Beglarian, Filyasova 2018].

⁴ Эта черта, впрочем, свойственна и многим другим языковым/речевым единицам, ср: «Изолированное слово, строго говоря, лишено смысла, оно не есть λόγος. Оно не есть слово сообщения, хотя и есть уже средство общения» [Шпет 1923: 28]; «Слово, взятое вне контекста, несет неопределенную информацию и обладает лишь потенциальным значением» [Новиков 1967: 21]; «вне контекста фразеологизма не существует» [Федоров 1973: 159]; «Значения и оттенки значения слова большей частью обусловлены его фразовым окружением» [Виноградов 1977: 20]; «никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления» [Кибрик 2003: 17]. Именно такую возможность полноценного контекстного анализа любого речевого элемента предоставляют речевые корпуса, в том числе ОРД и САТ (см. о них ниже). Применительно к значимым единицам иногда говорят даже о «композиционной семантике», имея в виду, что значение слова создается не только в нем самом, но и в его партнерах по речевой цепи.

⁵ Все примеры в статье, за редкими исключениями (НКРЯ), – из двух объемных речевых корпусов: корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) [Русский язык повседневного общения 2016; Богданова-Бегларян и др. 2017a; Bogdanova-Beglarian et al. 2017] и корпуса монологической речи, который известен как «Сбалансированная аннотированная тексто-тека» (САТ) [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян, Шерстинова, Зайдес 2017б]). О специальных обозначениях в расшифровках материала ОРД см.: [Русский язык повседневного общения 2016: 242–243].

⁶ Термин «ксенопоказатель» введен в лингвистику Н.Д. Арутюновой для обозначения «знаков чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» [Арутюнова 1992: 42]. Основная функция ксенопоказателя, по мнению автора, «состоит в маркировке присутствия Другого» [Арутюнова 2000: 448]. Существуют и другие термины с тем же или близким значением: «маркер ренарратива» [Копотев 2014; Сурина 2017] и «аппроксиматор-репортатив» [Подлеская 2017], однако наибольшее распространение получил все же термин «ксенопоказатель», который использован

и в нашей типологии прагматических маркеров (прагматем) [Богданова-Бегларян 2014].

⁷ Надо заметить, что функцию ксенопоказателя слово *типа* выполняет не только в изолированном употреблении, но и в составе более крупных структурных образований – *типа того* и *типа того что*, ср.:

(1) *он ещё когда первый раз пришёл / он звонил своей киске // *В ну вот / и у киски / вы знаете / АОН стоял // *П и киска начинает названивать этой (э...э) старой деве / типа того что за х**ня там ? мой типа мужик пришёл к вам ? *П а та там (...) типа отсылает / но постоянно куча приколов всевозможных* (ОРД);

(2) *ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П типа того что блин / *П *Х *П давайте общаться !* (ОРД).

В первом контексте видны еще и два изолированных употребления *типа* (подчеркнуты) в той же функции ксенопоказателя.

⁸ Первым явление контаминации ксенопоказателей отметил А.Н. Баранов [Баранов 1994: 114] на примере единиц *дескать* и *мол*. При этом, как заметила А.П. Сурина, контаминацию следует отличать от конструкции: если в конструкции невозможна замена одного из компонентов, вся она «функционирует как единое целое» [Рахилина 2010: 13], то компоненты контаминации могут заменяться или меняться местами без изменения смысла (*мол типа – типа мол – вот типа*); если смысл конструкции не выводится из значения ее компонентов [там же: 14], то в контаминации смысл (в данном случае – реализуемая функция) выводится как раз из суммы значений компонентов: например, в сочетании *мол типа* к значению пересказывательности добавляется значение примерности, неуверенности говорящего в точности передаваемой речи (см. подробнее [Сурина 2017: 67]). В контексте разговора о прагматических маркерах контаминации можно интерпретировать как полифункциональные единицы: так, *мол типа* – это ксенопоказатель и аппроксиматор одновременно.

⁹ Форма *в принципе* становится прагматическим маркером только в составе подобной хезитативной цепочки, что также свойственно многим единицам устной речи (*так сказать, что называется, как говорится* и под.), ср: «Хезитационная сущность таких единиц “высокого порядка”, уже прошедших в языке этап грамматикализации и зафиксированных в своем новом качестве вводных единиц словарями и грамматиками, не лежит на поверхности, но выявляется в ходе контекстного анализа, чему часто способствуют другие ПМ такого же типа: *короля*, что называется, *делает свита...*» [Богданова-Бегла-

рян 2019: 317]. Видно, что здесь соединяются две особенности ПМ: их синтагматическая активность («магнетизм») и способность вовлекать в сферу прагматики (прежде всего хезитационную) обычные речевые единицы.

¹⁰ Подробнее о рефлексивах как прагматических маркерах, в том числе об «упреждающих» рефлексивах, см.: [Богданова-Бегларян 2015].

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. С. 52-56.

Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437-452.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

Баранов А.Н. Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 114-124.

Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3(27). С. 7-20.

Богданова-Бегларян Н.В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11-17.

Богданова-Бегларян Н.В. *Короля делает свита*: о дополнительных условиях прагматикализации языковых единиц в повседневной речи // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2019» / отв. ред. В.П. Захаров. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. С. 317-324.

Богданова-Бегларян Н.В. и др. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи / Н.В. Богданова-Бегларян., Т.Ю. Шерстинова, О.В. Блинова, Г.Я. Мартыненко // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017а. С. 14-20.

Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Зайдес К.Д. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017б. С. 8-13.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // В.В. Виноградов. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162-189.

Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. Вып. 9(16). С. 136-143.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 532 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2: Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов. 364 с.

Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянской культуры, 2007. 649 с.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.

Копотев М.В. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // Acta Linguistica Petropolitana. 2014. Т. 10, ч. 2. С. 712-740.

Лан Шо. Частица «вот» в лексикографическом представлении: значение, прагматика, функции: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2018. 129 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1988. Т. 4 / ред. тома А.П. Евгеньева, Г.А. Разумникова. 796 с.

Новиков Л.А. Некоторые аспекты описания лексики // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 19-24.

Подлесская В.И. «Я скажу тебе с последней прямой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2017. Вып. 16(23). С. 355-371.

Рахилина Е.В. Предисловие составителя // Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 13-16.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Степихов А.А. Соотношение синтаксического и интонационного членения в спонтанном монологе: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 197 с.

Сурина А.П. Маркеры ренарратива в разных типах устной речи: дис. ... маг. лингв. СПб., 2017. 105 с. (Машинопись.)

Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск: Наука, 1973. 172 с.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи // Ин-т рус. яз. АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.

Шнем Г. Эстетические фрагменты. Петербург: Колос, 1923. Вып. 2. 90 с.

Bogdanova-Beglarian N.V., Filyasova Yu.A. Discourse vs. Pragmatic Markers: A Contrastive Terminological Study // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, SGEM2018: Vienna ART Conference Proceedings. 2018. V. 5, iss. 3.1. P. 123–130.

Bogdanova-Beglarian N. et al. Linguistic Features and Sociolinguistic Variability in Everyday Spoken Russian / N. Bogdanova-Beglarian,

T. Sherstinova, O. Blinova, G. Martynenko // SPECOM 2017: Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, Springer, Switzerland, 2017. V. 10458. P. 503–511.

Firth J.R. Papers in Linguistics, 1934–1951. Oxford University Press, 1957. 233 p.

Yagunova E., Savina A. The Experimental Study of Terminology Collocations: Calculations and Experiments with Informants // Proceedings of the NODALIDA 2011 workshop “CHAT 2011: Creation, Harmonization and Application of Terminology Resources NEALT Proceedings Series” / T. Gornostay, A. Vasilijevs (eds.). 2011. V. 12. P. 40–44.

**ONE IN THE FIELD IS NOT A WARRIOR:
ON THE “MAGNETISM” OF PRAGMATIC MARKERS IN THE RUSSIAN SPEECH**

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
Professor, Russian Language Department
Saint Petersburg State University

One of the features of pragmatic markers of Russian oral speech is considered in the article on the corpus material. These units are distinguished by a high frequency of occurrence in the speech of all speakers, a weakening (up to loss) of the lexical and grammatical meaning of those forms from which they were formed in the process of pragmaticization, and an increase of their pragmatic meaning –oral discourse functions. Pragmatic markers are typical of any spoken language; they lend themselves quite well to typologization, but reveal their new essence exclusively in the context, which almost excludes the possibility of automatic marking (annotation) of the material. A corpuscular approach to the analysis of Russian everyday (primarily colloquial) speech revealed unusual syntagmatic activity, the “magnetism”, of such markers, their ability to attract each other, which further complicates the process of identifying them in the text and sets the task of developing principles for identifying them. Analysis of the corpus material showed that more often “synonymous” (single-functional) pragmatic markers are “attracted” to each other, which allows us to talk about the presence of systemic relations in the pragmatic markers’ class. If we add to this also the multifunctionality of Russian pragmatic markers, the question of clarifying the typology of pragmatic markers, their large-scale linguistic description and the development of a fairly reliable methodology for their identification in the text becomes especially relevant.

Keywords: oral discourse; pragmatic marker; syntagmatic activity; speech corpus.